

В белом плаще с кровавым подбоем

Михаил Ульянов

Шок. правдо. - 1994. - 4 июль. - С. 10

4.1.94

«Ох, хлебнешь ты еще с этим материалом», — голос режиссера Юрия Кары прозвучал бесконечно тоскливо. — «Почему?». — «Да так уж... Можешь мне поверить?». И вдруг, ломая темпоритм нашего полупрозрачного разговора, телефонная трубка с жаром выдохнула: «Слушай, оставь эту тему! Оставь, а?! Ну его...». — «Да ты что?! У нас что, режиссеры каждый денюху «Мастера и Маргариту» снимают? Как это — «оставь»?». — «Послушай... Есть у меня приятель... Очень умный приятель... Я тогда только решил «запускаться» с фильмом. Так вот, он мне рассказал историю (мне б тогда над ней задуматься — не задумался): репетировал он у себя во МХАТе роль Воланда, и в зале каждый раз гас свет... Гас и всё. Пришел он однажды домой и полез в книгу. За обложками. И тут же наткнулся на фразу: «Мессир НЕ ЛЮБИТ электрического света». Понимавшь? Не любит... Он вообще много чего не любит, мессир... И я со всем этим у же столкнулся. Во время съемок...». — «Ну и замечательно! Значит, тебе есть что мне рассказать?! Итак, какой момент был самым запоминающимся?». — «Да, журналисты — народ упрямый... Ну, хорошо. Самый запоминающийся?.. Когда газета «Вечерняя Москва» напечатала заметку о том, что дальнейшее творчество режиссера Юрия Кары, видимо, следует рассматривать в суде». — «За что ж такое внимание к вашей персоне?». — «Снимали сцену полета Маргариты над городом...». — «Представляю себе, обнаженная Маргарита верхом на помеле...». — «Ну, положим, не совсем обнаженная и не совсем на помеле. Но над ночным Арбатом... Внизу, в свете юпитеров, бегают и улюлюкают массовка, сверху «парит» актриса Анастасия Вертинская. А из какого-то раскрытого окна слышатся вопли старушки: «Совсем житья не стало! Во что улицу превратили! Днем — рынок! Ночью — всякая нечисть над головой летает!!!». Видимо, кто-то из корреспондентов «Вечерки» тоже живет на Арбате... Слушай, позвони лучше кому-нибудь из «воландовской» компании, а? Они тебе такого порасскажут!».

Но «воландовская» компания словно сговорилась... Все были страшно заняты — съемки, спектакли, сменявшиеся или молча-

щие неделями телефоны... Казалось, мрачные предчувствия Юрия Кары начинают потихоньку сбываться. «Мессир не любит...». Наконец мне улыбнулась удача. Но, как оказалось впоследствии, только улыбнулась... Я застала дома Валентина Гафта. «Валентин Иосифович, вы же Воланда играли! Расскажите хоть что-нибудь», — взмолилась я. «Ну ведь фильм-то еще не вышел!». — «Ну, хорошо, — а к образу Воланда у Булгакова вы как относитесь?». — «Ну а как к нему можно относиться?!» — и Валентин Гафт, «купившись» на мой «наивный вопрос», выдал блестящий получасовой монолог о черте-волшебнике, который спустился на землю карать зло; о том, что с каждого спросится по делам его; о Михаиле Булгакове и тех страшных условиях, в которых Мастер создавал свой бессмертный роман. Артист рассказывал страстно, ярко, убедительно. Гафт — великолепный рассказчик и собеседник; диктофон был подключен к телефону и писал каждое его слово; я с удовольствием думала о том, какой дивный материал мне посылает Небо. Но на прощание Валентин Иосифович попросил: «Это я вам все говорю — может, что-нибудь и запомните?». — «Не только запомню — диктофон все записал». — «Ладно, «снимете» запись с пленки — прочитайте мне, пожалуйста». Через час я прочитала ему то, что получилось. «Нет-нет! Я очень плохо говорил. Все это никуда не годится. Это нельзя печатать. Ни в коем случае». И дальше — уже совершенно обезоруживающее: «Я вас очень прошу...». Расстроилась тогда, помню, безумно. Но текст, естественно, в набор не пошел. На ум почему-то пришла пилатовская фраза: «О боги, боги, за что вы наказываете меня?». И одновременно возникла идея: а почему бы и не Понтий Пилат? И вот тогда появился Он — правда, не «в белом плаще с кровавым подбоем» и не «между двумя крыльями дворца Ирода Великого» (на съемку мне попасть так и не удалось), а в своем собственном кабинете в Союзе театральных деятелей в лице народного артиста СССР Михаила Ульянова. И под сводами СТА раздался тогда «сборанный, хрипловатый голос» сына короля-звездочета, жестокого пятого прокуратора Иудеи, всадника Понтия Пилата.

— Приглашение, которое я получил, было прельстительно и в какой-то мере неожиданно. С Булгаковым меня судьба сводила в «Беге». Я получил огромное наслаждение от этой фантазмагорической литературы: «В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу папи держать, что дыра». А?! Какая литература! Какая прелесть! Я играл Чарноту... И вот — Понтий, Понтий, в которого вложено очень много от Булгакова — это целая философия человеческого недоверия к окружающему миру и философия безвыходности. При всем том Понтий Пилат — человек, прошедший огонь, воду и медные трубы, говоря по-русски; знающий цену человеческой мерзости, неверности — он отчаялся изменить что-то в этой жизни, плюнул на этот мир и всю свою любовь перенес на собаку. И вдруг встретил Иешуа, который поразила его своей любовью, своей противоположной позицией: только любовь может спасти мир. Если Понтий считает, что только сила презрения спасет мир, то Иешуа считает, что мир спасут любовь и прощение. И это Пилата потрясло. Это его вышибило из седла, в которое он, как вы наверняка помните («в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой»), сидел годами.

Это является темой — ради чего я играл Понтия Пилата. Заскорузлый, заматерелый человеконенавистник, человеконенавистник (а он человеконенавистник знает наизусть. «на глаз и на ощупь» —

и предательство, и ненависть, и мерзость, и лукавство, и низость, и ложь, которые окутывают с головы до ног), вдруг, встречает Личность, всему этому не предающую значения. И это Пилата потрясает. Поэтому прокуратор и собирается спасти Иешуа, но это ему, естественно, не удастся, потому что Синедрион тоже понял опасность, которую представляет этот человек.

Если люди будут верить друг другу, если будут любить друг друга — тогда не нужны будут ни Синедрионы, ни государства, ни правительства. Чем править, если люди сами справляются с простой обязанностью — быть человеком, соседом, другом, любить, помогать — больше ничего не нужно. А вот, когда царствует ненависть и идет отставание только своих интересов — вот тогда нужны вожди и лидеры, нужны Наполеоны, Гитлеры, Сталины — без них человечество жить не может. Позиция Иешуа — это еще как бы один из приветов мечты человечества. Христос, или Иешуа, воплощает мечту людей, и он знает, как эту мечту в реалии воплотить. И его идея людей привлекает потому, что это — противоположно тому, чем они живут. А люди живут грешно — они несчастны, в общем-то, из-за того, что запутались в своих воззрениях, своих учениях. Нас ведь все время чему-то учат, заставляют во что-то верить — то в марксизм, то в какие-то колонии, то в «город под солнцем». Человечество, как сумасшедшее, ищет,

чем же себя занять. И только Христос, или Иешуа по Булгакову, видит исправление мира в самом человеке, в его душе, в его сердце.

Вы знаете, сегодня, когда отчаяние охватывает душу, когда душа «срывается с петель», действительно охватывает безверие в человеческое благообразие. Я уж не говорю о приближении к совершенству. Есть сумасшедший гон, за чем? За деньгами. За чем? За победой над ближним своим. И что дает такая победа? То есть выхода из этой гонки, из этого безумия нет вроде бы никакого. Люди все время строят карточные домики... Тема Понтия Пилата, поверившего на секунду, а если даже и не поверившего, то согретего философией Иешуа, — тема полная печали. У Понтия голова болит ведь не только от физического недомогания, но и от всей этой человеческой пошлости. Иешуа выливает ему голову не потому, что он — древний Кашпировский, а потому, что дает возможность увидеть какую-то другую жизнь.

А последующее столкновение Понтия с ужасным заскорузлым миром Синедриона, с религией (другой, языческой), которая держит людей за орло, окончательно приводит Понтия в отчаяние. Понтий Пилат — фигура трагическая. И трагизм его в том, что он задумывается над природой человеческих взаимоотношений и не находит выхода. И на секунду луч света, который несет в себе Иешуа, освещает

этот выход, этот путь, но тут же оказывается заткнутым черной силой, мощной и беспощадной силой языческой религии...

Снимали мы все это в Иерусалиме, в Хайфе, на Мертвом море. Сам по себе Израиль — все эти места очень интересны, потому что — библейские. Особенно дно Мертвого моря. Гроизводит потрясающее впечатление. Что-то во всем этом есть бесконечно тоскливое и вечное. В песках, в обломках на дне.

Я не знаю, каким фильм получится. Но «Мастер и Маргарита» ведь тянет к себе, словно магнит, — это великая книга. И творческие люди со всех сторон хотят «укусить» роман в его солнечное сплетение. Было несколько попыток создать киноверсию, театральные постановки на «Таганке» и во МХАТе... Но наша картина интересна уже тем, что режиссер Юрий Кара собрал замечательных русских актеров — Филиппенко, Павлов, Стеклов, Бурляев, Вертинская, Гафт, Куравлев... Это я еще не всех перечислил. У нас было одно желание — соприкоснуться еще раз с Булгаковым, с этой потрясающей литературой, и наиболее полно воплотить наши ощущения и то, как мы сами почувствовали этот роман. Во что это выльется? Не знаю, но лента должна вызвать интерес своим серьезом и неожиданностью решения мировых проблем, над которыми бились и будут биться умы философов и поэтов.

Элена КУРБАНОВА